

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Ратникова И.М.

К.ф.н., доцент кафедры философии

УО «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники»

Актуальность. Критическая теория представляет собой одну из наиболее значимых исследовательских программ современного социогуманитарного знания. Ведущими университетами и научными центрами мира организована работа институтов и школ, нацеленных на углубленное изучение центральных концептуальных проблем критической теории. Ежегодно проводятся международные научные конференции, направленные на выявление эвристического потенциала и перспектив ее развития. Такой интерес к этой интеллектуальной традиции обусловлен теоретической, и, в первую очередь, практической значимостью.

Цель исследования: раскрыть политические аспекты критической теории.

Основные положения исследования. Ключевая цель критической теории состоит в выявлении фундаментальных принципов, детерминирующих атрибутивные характеристики и вектор развития современной цивилизации. В программных работах классической критической теории главным предметом исследования выступает социокультурная реальность, политико-правовой же сфере уделяется не так много внимания. Диагноз, поставленный М.Хоркхаймером и Т.Адорно, XX столетию оказался настолько пессимистичным, что любая попытка вырваться из сферы инструментальной рациональности представлялась тщетной. Основоположники критической теории отказывались принимать участие в политической жизни, высказывать мнение о политических институтах, партиях и событиях, предлагать программы политических реформ. В этой связи ряд исследователей и вовсе постулируют тезис о том, что критическая теория оказывается вне политики [1,2]. Многие представители критической теории (Г. Маркузе, Ю. Хабермас, А. Хоннет, Р. Форст и другие) пытались восполнить этот пробел.

Примечательной в этом контексте является работа Г. Маркузе «Одномерный человек», в которой обстоятельно описывается победоносный триумф инструментальной рациональности в современном обществе. Капитализм представляется преуспевшим в формировании людей с настолько искаженными ценностями и потребностями, что они оказываются не способными к подлинно критическому взгляду на фундированный принципами господства и потребления мир. Такое общество, по его мнению, и есть новая форма тоталитаризма, с которым мало что можно сделать в рамках либеральных демократических институтов. По этой причине данный представитель классической критической теории призывает к Великому отказу – отказу быть втянутыми в логику современного капитализма.

Вместе с тем, несмотря на внешне аполитичный посыл, эта работа вдохновила целое поколение на активную политическую деятельность и быстро вывела своего автора на политическую авансцену 60-х годов. Благодаря

проницательному анализу общества потребления постепенно рос авторитет Г.Маркузе в среде «новых левых». Признан он был и в студенческих кругах, получив даже прозвище «отца» студенческого движения [3]. На протяжении бурных 60-х годов он был частым гостем на собраниях, круглых столах и других мероприятиях студенческих движений и «новых левых».

В то же время, отношение самого Г.Маркузе к политике было неоднозначным. Он неоднократно подчеркивал, что все же он философ, а не стратег и политик [3, с.622]. Он с подозрением относился к идее прямого перевода теории в практику. В его трудах не было конкретных политических инструкций активистам, как им организоваться и что требовать. В этой связи корректнее говорить о влиянии студенческих движений на Г. Маркузе, но не наоборот. Работы конца 60-х гг. отличаются революционным оптимизмом, инспирированным выявлением особых групп, в достаточной степени неинтегрированных в одномерное общество, а потому способных осознать тоталитарную природу капиталистической системы и противостоять существующему положению дел. Он был искренне инспирирован радикальным духом, распространявшимся по университетским городкам, надеясь, что этот дух позволит освободить людей от ложных потребностей и раскрыть подлинные ценности [4]. К 70-м годам XX столетия сила студенческого движения угасла, и по мере того, как оно ослабевало, менялось и его место в работах Г. Маркузе. Постепенно он отвернулся от политической практики и обратился к искусству, которое объявляется им единственной сферой, свободной от тоталитарных принципов общества потребления.

Такая трактовка политической деятельности как глубоко ангажированной ценностями капитализма и, в конечном счете, ни к чему не приводящей, была пересмотрена в работах следующего поколения критической теории. Так, Ю. Хабермас усматривает эмансипационный потенциал в самом проекте модерна и, в частности, в феномене публичной общественности, очищение которой от власти искаженных ценностей позднего капитализма предполагает реформы демократических институтов. Он ставит перед собой задачу разработки процедурно ориентированной концепции делиберативной демократии, которая предполагает расширение публичной сферы. Идея состоит в том, чтобы вовлечь граждан в рационально организованные дебаты по политическим вопросам, что призвано расширить их права и возможности. Делиберативная демократия – это двухуровневая модель демократии. Один уровень образуют формальные демократические институты, другой – неформальные коммуникативные практики общественности в публичной сфере на принципах равенства и взаимоуважения. Каждый гражданин должен иметь возможность принимать участие в формировании общественного мнения и критике существующего социально-политического порядка.

Представители современной критической теории усиливают ее политический компонент. Так, Р. Форст рассматривает граждан, в первую очередь, как субъектов практик обоснования политико-правовых институтов. Они должны самостоятельно формулировать политические суждения, осуществлять их критическую оценку, обосновывать принятые решения,

коллективно обсуждать их возможные последствия. Н.Фрейзер и Ш. Бенхабиб идут еще дальше: вступают в политические дебаты, разрабатывают конкретные политические программы институциональных реформ, направленных на расширение и укрепление демократических процедур и т.д.

Вывод: концептуальная эволюция критической теории характеризуется смещением фокуса внимания в сферу политического. «Политический поворот» в критической теории эксплицируется сегодня посредством ее репрезентации как концепции дискурсивно обоснованной политической власти.

Литература

1. Jay, M. The Dialectical Imagination: A History of the Frankfurt School and the Institute of Social Research, 1923 – 1950 / M. Jay. – California : Univ. of California Press, 1996. – 77 p.
2. Alway, J. Critical theory and political possibilities : conceptions of emancipatory politics in the works of Horkheimer, Adorno, Marcuse, and Habermas / J. Alway. – London : Greenwood press, 1995. – 184 p.
3. Wiggershaus, R. The Frankfurt School: Its History, Theories and Political Significance / R. Wiggershaus. – Cambridge, MA : The MIT Press, 1995. – 774 p.
4. Chambers, S. The politics of Critical Theory / The Cambridge Companion to Critical Theory / S.Chambers. – Cambridge : University Press, 2004. – p. 219 - 247.